НАУЧНЫЙ ВЫЗОВ «ВСЕМИРНОМУ» УПРОЩЕНИЮ

НИКОЛАЙ КОТРЕЛЕВ

Филолог, переводчик, специалист по истории русской культуры конца XIX – начала XX вв. (Вл. Соловьев, Вяч. Иванов, А. Блок, А. Белый), член редакционного совета портала «Русская Idea».

Книга Ольги Леонидовны Фетисенко «“Гептастилисты”: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики» (СПб., 2012) представляет собой явление в высшей степени отрадное — и как исследование определенного феномена консервативной мысли второй половины XIX столетия, и как памятник филологической науки века XXI. Это, безусловно, выдающийся пример научной основательности, добросовестности и профессионализма.

Скажу несколько слов и о первом, и о втором. Начну со второго.

Та гуманистическая парадигма, в рамках которой развивалась наука в течение последних нескольких веков, на глазах перестает существовать. Смысл этой парадигмы состоял в том, что человек, который брался за исследование некой темы, должен был освоить буквально всё, относящееся к предмету его изучения, всё, что было написано о нем за всё предшествующее время. Знание давало реальную власть, и в ученом сообществе, и зачастую — вне его. Тот же, кто проявлял неосведомленность в каком-либо вопросе, относящемся к теме его исследования, рисковал оказаться выброшенным из научного сообщества, или во всяком случае его репутация могла серьезно пострадать. Отношение к коллегам по гуманитарному цеху было очень строгое — слабое владение материалом никому не прощалось. Собственно, именно этими качествами и должен отличаться любой цех настоящих профессионалов-ремесленников, как то и было с ремесленными цехами в прежние времена европейской истории.

> НАЙДЕТ ЛИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ, ОПОРНЫЙ ДЛЯ ВСЯКОГО БУДУЩЕГО СЛОВА О КОНСТАНТИНЕ ЛЕОНТЬЕВЕ ТРУД ФЕТИСЕНКО – СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ, АКАДЕМИЧЕСКИХ КРИТИКОВ?

Надо сказать, что и в советские годы подлинные крупные ученые могли вписываться в канон гуманитарного знания — такие люди, как Владимир Николаевич Топоров или Вячеслав Всеволодович Иванов (и это только пример, в нескольких поколениях гуманитариев советского времени подобных было немало), прекрасно владели в том числе и всей необходимой западной литературой и несмотря на все проблемы с доступом к информации, которые тогда существовали, демонстрировали всем, как надо работать. И это не было интеллектуальной игрой, а было верностью традиции и назначению ученого. Теперь же мы заходим в книжный магазин и, смотря на заголовки книг, не можем точно ответить, кто из авторов отвечает за свои слова, а кто — нет.

Очевидно, что резко увеличившийся объем информации практически по любой теме требует,

увы, изменения прежней парадигмы. Гуманистическая традиция просто не может остаться прежней. Моя личная библиография по Владимиру Соловьеву составляет свыше 6 000 наименований, пушкинистика насчитывала такое число источников уже 100 лет назад. Проблема соблюдения канона уже не может стоять сейчас так, как она стояла в XIX веке. Едва ли каждый исследователь будет способен физически освоить все тексты, написанные о том, о чем пишет он. И мы видим, что можно получить докторскую степень за диссертацию о Вл. Соловьева, даже не прочтя все восемнадцать томов его опубликованных сочинений.

Та же самая ситуация и с Константином Леонтьевым. За последние годы вышло довольно много книг об этом мыслителе — порядка 10 или 15,— но считанное число авторов учитывали весь массив знаний, уже накопленный гуманитарной памятью об этом человеке и его духовном наследии. Было создано много концепций, интерпретаций, еще больше пересказов воззрений мыслителя — но не так много реального продвижения в области знания о нем. И в этом смысле книга Ольги Фетисенко представляет собой очень зримое исключение — эта книга наполнена фактами, она аккумулирует весь объем накопленного материала по предмету исследования; автор владеет всеми необходимыми сведениями — и тем не менее не проваливается в чистую фактографию или сухой анализ источников, предлагая совершенно новое видение учения Леонтьева, однако, видение, основанное на учете всего, что до сих пор было написано о Константине Николаевиче и круге его единомышленников, учеников и оппонентов.

Так что, книга о «Гептастилистах» — это своего рода памятник умирающей гуманитарной традиции. И в ней есть претензия на то, что эта традиция способна порождать интеллектуальные сенсации, не хуже, чем нетребовательное к канонам науки отлаженное производство бестселлеров в жанре нон-фикшн.

Но вот тут и возникает главная проблема с книгой Ольги Леонидовны. Очевидно, что появление этой книги неразрывно связано с каторжной, в течение последних пятнадцати лет, работой по подготовке и редактированию Полного собрания сочинений Константина Леонтьева. И столь же очевидно, что вне представления о томах этого собрания, хотя бы уже девяти вышедших в свет, читать книгу Фетисенко в высшей степени сложно. Автор говорит с читателем с высоты того знания о своем герое, которым владеет она и которое не доступно практическими никому другому. Не посвященного в глубины леонтьеведения читателя книга отпугивает уже своим названием — мало кто знает о том письме Константина Леонтьева Якову Денисову, в котором говорится о «гептастилизме», учении о «семи столпах» новой восточной культуры. И нельзя сказать, что Ольга Леонидовна посвящает читателя в тайну «гептастилизма» уже на первых страницах ее повествования.

Удалось ли Леонтьеву создать некую школу, образовав вокруг себя группу разделявших и развивавших его идеи учеников? Относительно этого тезиса Ольги Леонидовны могут возникнуть некоторые сомнения. Все «гептастилисты», о которых рассказывает монография, были людьми в целом малозаметными: тюремный священник о. Иосиф Фудель, профессор Яков Денисов, журналист Анатолий Александров. Всё это, скорее, люди жизни, чем люди мысли. Так что, собственно, своей школы, своего направления консервативной философии Леонтьеву создать все-таки не удалось.

ЛЕОНТЬЕВ ОКАЗАЛСЯ ПРОРОКОМ В СВОИХ ПЕССИМИСТИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЯХ, А НЕ В ТЕХ УТОПИЯХ, В КОТОРЫХ ОН ХОТЕЛ ИХ ИЗБЫТЬ

Но это как раз лучше, чем обратное предположение, подтверждает правоту его исторических констатаций. То общее движение истории к реабилитации примитивных инстинктов, массового человека, которое сам Леонтьев называл «всемирным разрушением», наилучшим образом подтверждается тем, что мысль этого человека как была, так и остается маргинальной в общей картине интеллектуальной истории, в которой по-прежнему господствуют прогрессивные течения. Проза Константина Леонтьева до сих пор не включена в программу русской литературы XIX века для высшей школы. Но поглядите программы по истории философии в европейских и северо-американских университетах: там в качестве обязательной темы будет присутствовать экзистенциализм Сартра, но только специалисты будут обращаться к католической мысли 30-х годов XX века — идеям Маритена или Жильсона. И уж, конечно, мы там не обнаружим никакого «гептастилизма».

Тот «средний европеец», которого боялся Леонтьев и разрушительную силу которого он оценил одним из первых, в итоге одержал верх над всеми попытками задержать, отсрочить его окончательный триумф. И самое интересное, что этот триумф, как и предсказывал Леонтьев, сделал

невозможным не только осуществление мечты о «новой восточной культуре», но и вроде бы альтернативных теократических проектов Владимира Соловьева, равно как и надежд Вячеслава Иванова на «варварское возрождение» классической традиции, от которых сам поэт в конечном итоге отказался. Леонтьев оказался пророком в своих пессимистических переживаниях, а не в тех утопиях, в которых он хотел их избыть. Но делая такое признание, мы выходим за пределы оценки, безусловно, пышного труда Ольги Фетисенко, в котором нам открывается своего рода оптимистическая сторона Леонтьева.

Еще несколько торопливых слов — о духе нашего времени, с которым тот дух научной традиции, в котором выполнена обсуждаемая книга, вступает в резкое противоречие. Наша эпоха — это время распада прежнего универсализма, само собой разумеющихся прежде институтов, приучавших образованного мыслящего человека к более или менее универсальному, всестороннему взгляду на ту или иную проблему, на тот или иной общественный феномен. В XIX–XX веках в России каждая уважающая себя газета имела развернутый отдел рецензий: последний серьезный рецензионный отдел был в газете «Сегодня» в середине 1990-х, и его делал Андрей Немзер. Из него можно было составить представление о всех значимых книжных событиях месяца. Сегодня уже нет газеты «Сегодня», а библиографические отделы, если и существуют, то не формируют вкус к хорошей литературе, при этом отучая от литературы низкокачественной. То есть не исполняют главной своей функции. Что говорить об академической рецензии XIX в.— рецензент прорабатывал на равных с рецензируемым автором весь материал разбираемого труда, проверял общую концепцию и частности. Сегодня в цехе гуманитариев нет действенных инструментов качественного ранжира интеллектуальной продукции цеха. Как и в искусстве, у гуманитариев мерилом ценности оказывается коммерческий успех, достижение рыночного признания.

Найдет ли фундаментальный, опорный для всякого будущего слова о Константине Леонтьеве труд О. Л. Фетисенко — своих профессиональных, академических критиков?